

Леонова Юлия Вадимовна, магистр искусствоведения, эксперт по контенту. Айдеал Спейсез Воркинг Груп Фаундейшен, Германия, Карлсруэ. yulia2leo@gmail.com

Leonova, Yulia Vadimovna, M. A. in Art History, content expert. Ideal Spaces Working Group Foundation, Karlstr. 40, 76133 Karlsruhe, Germany. yulia2leo@gmail.com

ЗОЛОТАЯ КЛЕТКА ПРОРОКА: АРХИТЕКТУРНО-КОМПАРАТИВНЫЙ ОЧЕРК ОБ УСАДЬБАХ Х. Н. БЯЛИКА В ТЕЛЬ-АВИВЕ И А. М. ГОРЬКОГО В МОСКВЕ

GOLDEN CAGE OF THE PROPHET: AN ARCHITECTURAL AND COMPARATIVE ESSAY ON THE HOUSES OF H. N. BIALIK IN TEL AVIV AND A. M. GORKY IN MOSCOW

Аннотация. В 1921 г. ненадолго пересеклись жизненные пути Х. Н. Бялика и А. М. Горького. Каждый уже находился на вершине своего национального литературного Олимпа — Горький был прославлен как основатель советской литературы, а Бялик считался главным поэтом «Ренессанса иврита». Такая творческая деятельность Бялика резко разошлась с советской идеологией, что и послужило причиной встречи: Горький помог ему эмигрировать. В том же году он и сам выехал из Советской России. После нескольких лет жизни в Европе каждый триумфально вернулся к «своему народу»: Бялик — к евреям Палестины, Горький — в СССР. Каждый из них поселился в особняке с садом, обладавшем ярким архитектурным своеобразием. Эти городские усадьбы — основной объект исследования, предметом которого стали отношения двух выдающихся личностей с их резиденциями. Дом Бялика строился специально для него и проектировался при его участии, в то время как Горькому было предписано поселиться в доме, принадлежавшем раннее семье Рябушинских. Однако совпадений: архитектурных, символических, биографических — много, и при всей своей случайности они любопытны сами по себе. Главное же и, очевидно, неслучайное сходство, связывающее двух писателей, — бремя миссии, сделавшее для каждого из них вне зависимости от политической системы обитание в яркой архитектуре не наградой, а своего рода пленом, фактическим для Горького и менее очевидным, моральным, в случае Бялика. Таким образом, задачей работы является осмысление двух архитектурных памятников как экзистенциальных мест. Для этого используется широкий исследовательский инструментарий, начиная с историко-биографического и заканчивая современными, где в качестве базового метода взято феноменологическое исследование, наложенное на формально-стилистический анализ художественного произведения.

Ключевые слова: Х. Н. Бялик; А. М. Горький; дом Бялика; квартира-музей Горького; архитектура Тель-Авива; московский модерн; Безалель; архитектура начала XX в.; сад Бялика; особняк Рябушинского; Ф. О. Шехтель; И. Минор; ориентализм; архитектурная керамика.

Abstract. In 1921, the lives of Hayim Nahman Bialik and Alexei Maximovich Gorky crossed for a short time. At that time, both were at the peak of their national literary stardom: Gorky was known as a founder of Soviet literature and Bialik was considered the main poet of the Hebrew Renaissance. This activity of Bialik's disaccorded with the Soviet ideology, and Gorky had helped him to emigrate. He himself left Soviet Russia the same year. After several years in Europe, they both returned with glory to "their people": Bialik came back to the Jews of Palestine and Gorky to the USSR. Each of them settled in a villa with a garden and vivid architectural originality. These town mansions are the main object of this research based on the attitude of two outstanding people towards their residences. Bialik's house was built specifically for him and was designed under his supervision, whereas Gorky was instructed to occupy a former house of the Ryabushinsky family. However, there are plenty of architectural, symbolic, and biographical coincidences, though being fortuitous, worth the attention. The main, and apparently not accidental, similarity which unites two writers regardless of political systems is a burden of mission, which made their habitation in flamboyant architecture captivity instead of honoring; that was the case with Gorky and in a vague, more of moral character way for Bialik. Consequently, the task of this work is in comprehending two architectural icons as existential places.

Keywords: H. N. Bialik; A. M. Gorky; Bialik House; Gorky's House; architecture of Tel Aviv; Moscow Art Nouveau; Bezalel; Bialik Garden; Ryabushinsky House; Fyodor Schechtel; Josef Minor; Zionist architecture; architectural ceramics.

...Вас ценит
и власть,
и партия,
Вам дали б всё —
от любви
до квартир...

*Письмо писателя Владимира Владимировича Маяковского
писателю Алексею Максимовичу Горькому*

В 1921 г. в Москве пересеклись жизненные пути Х. Н. Бялика, титульного поэта «Ренессанса иврита», и А. М. Горького, основателя советской литературы. Это была короткая, но значимая для Бялика встреча. После нее Горький и Бялик никогда

не виделись, писали на разных языках, жили в разных странах, где каждый провел свои последние годы в особняке с садом. При исследовании этих усадеб¹ обнаруживаются своеобразные архитектурные и биографические параллели. Они сложились

Илл. 1. Два героя, портреты начала 1920-х гг. — времени их встречи. 1а — Хаим Нахман Бялик; 1б — Алексей Максимович Горький

из множества разных совпадений, большинство из которых случайны, но тем и любопытны. Однако ключевым сходством оказалось то, что для каждого из героев обитание в яркой архитектуре было не наградой, а своего рода пленом — фактическим для Горького и менее очевидным, моральным, в случае Бялика.

Два героя

Они были почти ровесники. В 1921 г. Бялику было сорок восемь лет, Горькому — пятьдесят три года (Илл. 1). Каждый находился на вершине своего национального литературного Олимпа: Горький утвердился в статусе главного советского писателя, а Бялик, живший в Одессе, был прославлен как главный еврейский поэт. Оба начинали как бунтари: Горький воспевал революцию, Бялик призывал евреев сопротивляться погромам. Пишущего на «древнееврейском языке», как тогда называли иврит, Бялика знали в Европе и России, его переводили поэты Серебряного века. Горький Бялика читал в переводах и высоко его ценил [1, с. 177–178]. Оба были просветителями и издателями. Когда после революции на иврит начались гонения, Горький помог Бялику получить разрешение покинуть Россию — хлопоты об этом и были причиной их встречи в Москве². В июне 1921 г. Бялик вместе с группой еврейских писателей выехал в Палестину, однако сначала по делам издательства направился в Берлин. В этом же году Горький также покинул Россию, официально на лечение, фактически тоже в эмиграцию и тоже в Берлин, где у него также было организовано издательство.

В Палестине очень ждали Бялика, а в СССР звали назад Горького, и после нескольких лет в Европе каждый из них триумфально вернулся к своему народу. Оба поселились в частных городских особняках с садом, каждый из которых имеет самостоятельную архитектурную ценность.

Две усадьбы

Одна усадьба — в Москве, другая — в Тель-Авиве, обе построены в начале XX в. (Илл. 2). Ракурсы, подобранные для иллюстрации, позволяют отметить их определенное структурное сходство: угловое положение участка, балконы с этническим акцентом, лоджии-крыльца, выделенные объемы лестничных башен, форма и компоновка их узких окон — совпадает даже

взаимное расположение всего перечисленного, только в зеркальном отражении. Однако для выводов о каком-либо влиянии одной виллы на другую этого недостаточно, а никаких задокументированных указаний на это нет.

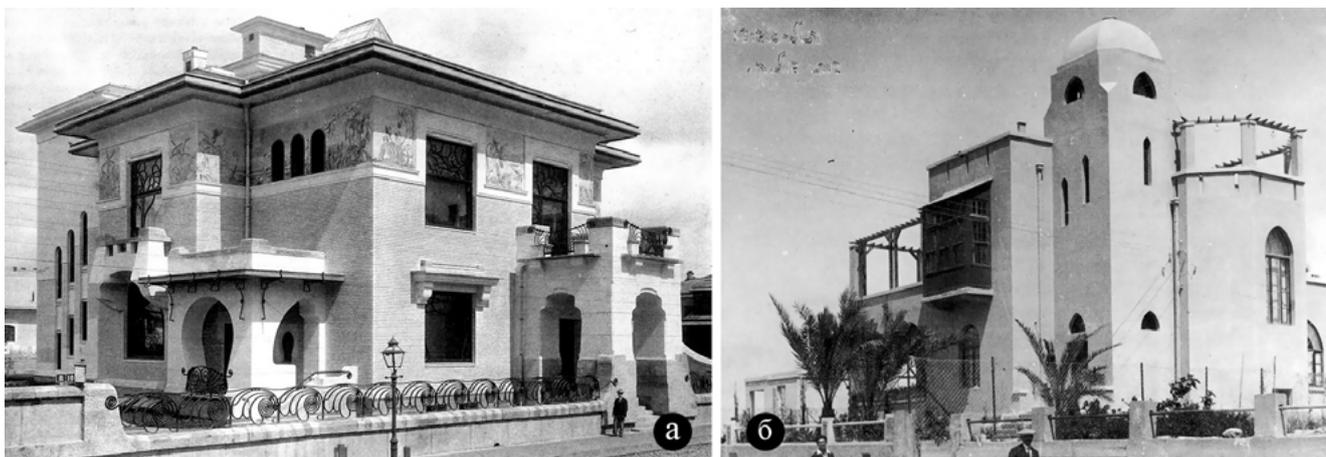
Оба дома сохранились, музеефицированы, открыты для посетителей. Сады в обоих случаях сохранились частично. С исторической, архитектурной, символической точки зрения каждая из усадеб исключительно ценна своей типологией, формой, материалами, декором, в совокупности каждая — яркая репрезентация своего места и времени, общественных установок и архитектурских творческих амбиций. Взгляд на нее через призму взаимоотношений между домами и их знаменитыми обитателями делает задачу еще интересней, но не проще: вилла Бялика была построена специально для него, в то время как Горькому было предписано разместиться в чужом особняке.

Дом Горького

Здание, называемое теперь Музеем-квартирой Максима Горького, было построено в центре Москвы в начале 1900-х гг. архитектором Федором Шехтелем для Степана Рябушинского — старообрядца, богача, мецената. Дом расположен на отдельном участке с садом, и это один из лучших примеров новой типологии городского особняка. По словам Е. И. Кириченко, Шехтель «первым из русских зодчих перенес принципы проектирования загородных усадебных домов и дач в город» [6, с. 109], что было попыткой «отойти от норм регулярного градостроительства» [5, с. 95]. Автор (Ю. Л.) видит в этом отголосок взрывной популярности говардовских идей города-сада.

Отгалкиваясь от новаторского принципа «изнутри наружу», дом ассиметрично скомпонован из кубических объемов, обильно декорирован и в целом признан иконой московского модерна. В логике стиля он перенасыщен символикой, дающей богатую пищу для анализа коллективных рефлексий рубежа эпох. Следуя за первопроходцами ар-нуво, Шехтель отказался от исторических отсылок в пользу идеологически нейтральной, но полной мистицизма орнаментальности природного мира, доводя ее до предела. Архитектор-художник истово верил, что перенасыщенное «красотой» пространство программирует его на возвышенное, счастливое обитание.

Главное украшение фасадов особняка — это изготовленный по эскизам Шехтеля в мастерской знаменитых петер-

Илл. 2. Две усадьбы. 2а — Особняк С. П. Рябушинского (арх. Федор Шехтель. 1902, Москва); 2б — Дом Бялика (арх. Иосиф Минор. 1924–1925, Тель-Авив)

бургских мозаичистов Фроловых фриз с орхидеями и ирисами, парящими в облаках. По утверждению В. А. Фролова, потомка и исследователя династии, этот фриз был первой работой (в России) для сооружения в стиле модерн [12, с. 28]. Сын Шехтеля, Л. Ф. Жегин, рассказывал, как Федор Осипович «на цветочном рынке... искал нужные ему цветы на для фриза» среди орхидей, насчитывающих «тысячи видов», как ему «нужен был определенный размер, форма и окраска цветка» и как, найдя их, Шехтель рисовал их, достигая нужного светового эффекта с помощью лампы [10, с. 26].

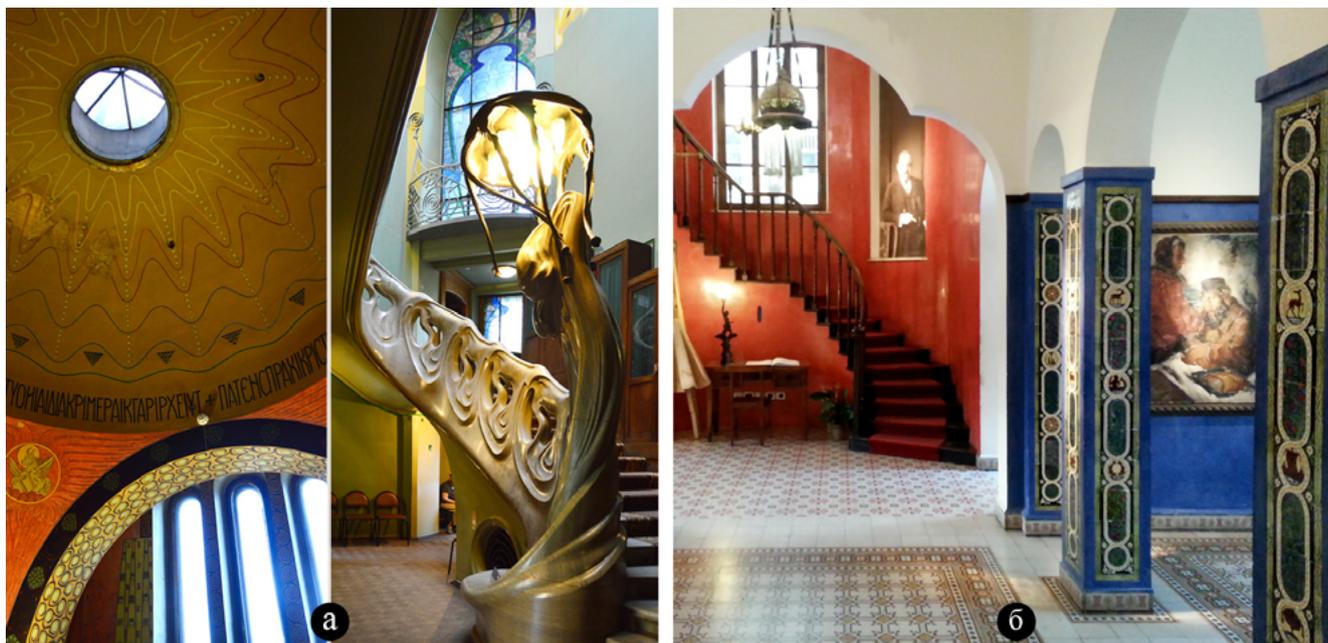
Такое упоение растительным декором предполагает не меньшее внимание к самому саду, особенно учитывая, что, по словам исследователей, «Шехтель был страстным садоводом и цветоводом», а его собственный сад «в сочетании с архитектурой дома воплощал идейную программу зодчего, гармонию всего лучшего на земле, искусства и природы» [7, с. 173]. Однако вероятность создания подобного романтического микрокосма в саду Рябушинского можно только предполагать — свидетельств о нем крайне мало, и на время написания статьи специального исследования сада Автором не обнаружено. Это также подтверждено заведующей Музеем-квартирой Максима Горького С. М. Демкиной³. С ее же любезного разрешения

удалось осмотреть весь сад, где обнаружены явно имеющие историческую ценность сирень, лиственница, липы, каштаны, вишневые деревья и руины фонтана. Среди травянистых — дюшенея (*lat. Potentilla indica*), которая упоминается как излюбленное почвопокровное русских усадеб, но, скорее всего, она, как многие другие растения в этом саду, была посажена в более поздние годы. Вероятно, наиболее близкий облик сада во времена Горького представлен на акварели А. Д. Корина (Илл. 3).

Нынешнюю скромность сада с лихвой восполняют по-прежнему темпераментные интерьеры. Их символизм и роскошь отвечали европеизированному предпринимательскому духу семьи Рябушинских, но как Максим Горький, бунтарский революционер, пролетарский писатель, мог в них жить? В доме, о котором Чуковский отзывался как о «самом гадком образце декадентского стиля, где все испакощено похабными загогулинами, бездарными наглыми кривулями?» [13, с. 67] Это известно — после возвращения в СССР в 1931 г. Горькому было фактически велено там поселиться. А как Хаим Нахман Бялик, сионист, тельавивец, оказался владельцем дома, выглядящего как арабская вила (Илл. 5б)? Горькому пришлось жить в чужом особняке, но дом Бялика строился по заказу и при активном участии самого поэта.

Илл. 3. Корин А. Д. Вид особняка С. П. Рябушинского со стороны улицы Малой Никитской

Илл. 4. Интерьеры, декор. 4а — Особняк С. П. Рябушинского (арх. Федор Шехтель); 4б — Дом Бялика (арх. Иосиф Минор, керамика «Бецальель», худ. Зеев Рабан)

Дом Бялика

Дом был построен в 1924–1925 гг., сразу по прибытии Бялика в Палестину. Это та же типология особняка на собственном озелененном участке в центре города, в случае Тель-Авива напрямую связанная с идеями города-сада. Архитектор дома Иосиф Минор — выходец из Российской империи, так же, как и проектировщик сада Йехиэль Сегаль, и Борис Шац, вдохновитель декоративной программы дома, и сам Бялик. Минор учился архитектуре в Москве, его профессиональная эволюция похожа на путь его современников, и дом Бялика отражает ее черты. Он также ассиметрично скомпонован из нескольких функциональных объемов, довольно лаконичен, почти лишен декора и отделан гладкой белой штукатуркой. Формально ориентализирующий в духе Движения Искусств и Ремесел, структурно это

уже предмодернистский дом. Вскоре архитекторы Тель-Авива, и сам Минор, обратятся в модернизм, но в 1920-е гг. они еще изобретали национальную ивритскую архитектуру и, за скудностью сведений о древнееврейской традиции, опирались на арабские мотивы. Что же касалось идейного наполнения пространства, «производимого» возвращающимися на свою старую-новую землю еврейскими поселенцами, во всем доминировал библейский нарратив. Поэтому, хотя сад Бялика был спроектирован по-европейски в части планировки, для посадки в нем были выбраны знаменитые библейские виды — пальма, гранат, олива, инжир, виноград.

Отражая общественные настроения, дом Бялика ретранслировал пафос национального возрождения так же, как особняк Рябушинского символизировал общеевропейский панэстетизм. А личные авторские амбиции художника, фонтанирующие

Илл. 5. Проекты дома Бялика (арх. Иосиф Минор). 4а — 1922; 4б — 1924

шехтелевским декором московского особняка (Илл. 4а), на тель-авивской вилле в полной мере воплотились в расписной керамике иерусалимской школы искусств и ремесел Бецалель (Илл. 4б). Речь идет об организационных и творческих амбициях ее основателя, Бориса Шаца, горячего энтузиаста нео-ивритского стиля. В эти годы он активно продвигал идею украшения тель-авивских фасадов плиткой, расписанной библейскими сюжетами. Гостиная дома Бялика, оформленная такой керамикой, стала самым крупным его заказом.

В целом вилла Бялика скромнее особняка Рябушинского, но и ее некоторые называли дворцом — одни, отдавая поэту должное, как Марк Шагал, назвавший поэта «духовным правителем города», но были и те, кто усмехался — «певец бедности построил себе дворец» [19, р. 181]. Так же, почти дословно, о себе писал Горький, узнав о планах разместить его в хорамах: «Мое поселение во дворце или храме произведет справедливо отвратительное впечатление на людей, которые, адски работая, обитают в хлебах» [10, с. 100]. Но отказаться было нельзя. Для Бялика о диктате властей речь не шла, однако и его общественный долг очевидно повлиял на его дом и образ жизни.

очень гордился, когда оплачивал муниципальные налоги. Он был глубоко обижен перешептываниями о том, что участок ему был подарен городом» [19, р. 181]. Культурное положение «поэта возрожденного иврита» и, возможно, какие-то обязательства перед городом, вероятно, привели к тому, что после приезда из Европы Бялик и Минор поменяли «итальянскую виллу» на дом-репрезентацию «библейского духа» (Илл. 5б). До какой степени его имитационная «историчность» Бялику была близка, сказать сложно. С одной стороны, он принимал участие в разработке сюжетов бецалелевской керамики, украсившей его гостиную, и всем посетителям рассказывает, как он сам в пару к плитке с изображением исторической римской монеты «Иудея захваченная» придумал монету «Иудея освобожденная». Но в целом Бялик относился к создателю Бецалель Борису Шацу сдержанно. Есть упоминание, что о квази-фольклорных изделиях школы Бялик отзывался скептически еще во время ее участия на выставке в Одессе 1911 г. [23, р. 173]. То же и в отношении сада — по многочисленным свидетельствам, Бялик одобрял библейский нарратив в парковом репертуаре города, и его собственный сад с библейскими растениями тиражировался на гравюрах и банкнотах (Илл. 6). Но в то же время пустынный климат был для

Илл. 6. Банкнота 10 израильских фунтов с изображением дома и сада Бялика 1968 г.

Герои и их дома

В 1920-е гг. Тель-Авив планировался как город-сад, архитектура искала себя в нео-ивритском стиле, а культурная среда формировалась почетными горожанами. Дом, сад и личность Бялика олицетворяют все эти три установки, и, хотя обычно говорится о том, что Бялик строился сам, есть вероятность, что город этому способствовал. Участок под строительство находился рядом с мэрией, улицу сразу по приезду Бялика переименовали в его честь. В тиграх тель-авивской хроники 1934 г. вилла Бялика называется «подарком от жителей Тель-Авива»⁴. Общепринята версия, что поэт купил участок и построил дом в Тель-Авиве на двадцать тысяч долларов, вырученных за вышедшее в Берлине в 1923 г. юбилейное собрание его сочинений [22]. Однако общение Бялика с архитектором Минором состоялось в Берлине годом раньше, то есть в 1922 г.: есть первый проект дома с этой датой. Он напоминает средиземноморскую виллу (Илл. 5а) и содержит резолюцию Бялика, написанную по-русски: «Принимаю, как предварительный эскиз для доработки согласно данным участка». Биографы упоминают некие слухи об участии города в поселении в нем знаменитого поэта: «Бялик

него, очевидно, тяжеловат. «Дорогая Маня! Что еще написать тебе? О странных кактусах, растущих здесь вокруг садов и полей? Об ослах, об арабских деревнях? О колышущихся пальмах? О сладких ароматах, стоящих в воздухе в окрестностях Яффо? По правде сказать, все это очень мало пробуждает мое сердце. В основном мне это видится старым и известным с древности, и несмотря на это немного чужим. Я не знаю, это из-за того, что все вокруг мне слишком чуждо, или из-за того, что оно мне слишком близко...», — писал он жене из поездки в Палестину в 1909 г. [14, с. 39]. Примерно за год до своей смерти Бялик мечтал в австрийском курортном городе Бад-Гаштайне: «Если бы я мог поднять отсюда две или три горы, их леса, травы и немного снега, взвалить их на свои плечи, и перенести их в землю Израилеву, чтобы опустить там у моря около Тель-Авива; но что мне делать, и я не срываю горы» [17, р. 114]. Из фрагментов разных воспоминаний проступает очень личная привязанность Бялика к саду, тяга к уединению, интерес к выращиванию чего-то своего [17, р. 115]. Возможно, он, выходец из России, хотел что-то вроде писательской дачи. Известно, что он мечтал о ели, но пришлось посадить араукарию, он безуспешно пытался акклиматизировать вишню и сирень.

Зато вишня и сирень растут в саду особняка Рябушинского, ставшего садом Горького. По словам биографов, он каждый день после обеда гулял в саду, отдыхал в беседке, останавливался у фонтана: «Вишневые деревья и многие цветы там посажены его руками. А в кабинете писателя до сих пор хранится набор садовых инструментов» [22, р. 173]. (Однако в реальности в набор входит топор с красивой гравировкой, пила и несколько ломиков.) Есть воспоминания М. М. Пешковой о том, как И. Н. Ракицкий, близкий друг семьи, посадил перед окнами особняка хризантемы, шуточно названные «золотые пупки», привольно разросшиеся в саду. «Благодаря усилиям Ивана Николаевича мозаичный фриз “райских” орхидей словно обрел в этом саду свою материальную площадку, земную основу. А еще здесь набирали силу саженцы каштанов, которым, по замыслу Соловья [Ракицкого], предстояло соединиться с гипсовой сенью каштановых листьев на потолке верхнего кабинета бывшего хозяина особняка Рябушинского» [3, с. 253].

Так или иначе сведений о садоводстве самого Горького пока недостаточно. Намного больше воспоминаний об отношении Горького к дому, и все они в той или иной степени негативные. «Безвкусным» особняком его называл Катаев, Ромену Роллану казалось, что Горький «испытывает отвращение к дому, в котором живет» [2, с. 264]. В нем произвели некоторые переделки — наполнили книжными шкапами, убрали камин из каррарского мрамора с горельефом женщины-бабочки, спрятали витражные ширмы-стрекозы в вестибюле, закрыли парадный вход. По крайней мере, к удобству Горький привык, писал, что работать тут можно. В доме принимались бесконечные делегации, в секретарской трезвонили телефоны, шел поток посетителей, Горький говорил, что он не лицо, а целое учреждение.

И к Бялику шел бесконечный поток посетителей, и он писал о том же: «Я чувствую себя наполовину в доме, наполо-

вину в бейт мидраш [дом учения]» [22]. Он повесил табличку с часами приема и даже опубликовал их в газете. Но каждую неделю у него собрания, а в праздники двери открыты нараспашку и в дом заходят все желающие. Положение культурного гуру обязывало, и сам он был увлечен этой миссией, не просто так Шагал назвал его «духовным правителем города». Но ноша явно была тяжела, Бялик давно перестал писать. Он сказал однажды другу: «Если бы я нашел маленькую комнатку, чтобы никто не узнал мое место — я был счастлив. Я бы закрылся и работал» [20].

В конце концов он снял домик в Рамат-Гане, пригороде Тель-Авива. Начал обсуждать с Минором постройку нового дома. Но внезапно в 1934 г. умер после операции.

А через два года ушел Горький, «старый медведь с кольцом в губе», как назвал его Ромен Роллан [2, с. 262]. Последние годы писатель жил фактически под домашним арестом, за ним следили, подслушивали, изолировали от посетителей.

После смерти Бялика его вдова, Маня Бялик, передала дом муниципалитету Тель-Авива. Усилиями вдовы и невестки Горького Екатерины Павловны и Надежды Алексеевны Пешковых сохранен и в 1965 г. открылся дом-музей писателя.

Сейчас это городские достопримечательности, красивые здания: одно — среди пальм, другое утопает в сирени, они любимы горожанами и туристами. Кто-то восхищается ими не задумываясь, кто-то озадачивается — почему во внешнем облике дома ивритского поэта нет ничего еврейского, а в доме советского писателя — ничего пролетарского. Ответ о причудливых исторических обстоятельствах, приведших к этому, может быть еще интересней, если рассматривать их как кейсы соотношения внутренних склонностей клиента, амбиций архитектора и установок общества. Справиться с которыми не всегда удается даже бунтарям и пророкам.

Примечания:

¹ Автор благодарит директора архива Дома-музея Бялика в Тель-Авиве Шмуэля Авнери за любезно предоставленные архивные материалы и заведующую Музеем-квартирой Максима Горького С. М. Демкину за консультации.

² Подробности этой драматической истории см. [1; 8].

³ Переписка Автора с С. М. Демкиной от 10.09.2020–14.09.2020. По ее словам, саду будет посвящен раздел в готовящейся монографии.

⁴ Ideal Travel Talks — Palestine 1934. — Edelheit Productions. — The Spielberg Jewish Film Archive, 1934, 43:40.

Список литературы:

1. *Агурский М.* Горький и еврейские писатели // Минувшее. Исторический альманах. 1990. № 10. С. 175–204.
2. *Ариас-Вихиль М. А.* Ромен Роллан и Максим Горький: историко-функциональные и общественно-политические аспекты литературного диалога (по материалам архива А. М. Горького): дис. ... д-ра филол. наук. Москва, 2020. 473 с.
3. *Давыдова И. И.* Рядом с Горьким // Русская литература и журналистика в движении времени. М.: Факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, 2015. С. 235–256.
4. *Жуховицкая Л. Г.* «Чужое как свое»: Горький в российской истории ивритской культуры // Максим Горький: Российские идеологические контексты и итальянские реалии: сборник материалов конференции к 150-летию со дня рождения Максима Горького. Рим: UniversItalia, 2020. С. 131–143.
5. *Кириченко Е. И.* Архитектурное наследие Федора Шехтеля в Москве. М.: Издательский дом Руденцовых, 2009. 352 с.
6. *Кириченко Е. И.* Ф. О. Шехтель. Жизнь. Образы. Идеи. М.: Прогресс-Традиция, 2011. 360 с.
7. *Кириченко Е. И., Сайгина Л. В.* Романтический зодчий модерна Фёдор Шехтель. М.: Юкос-Менатрон, 2000. 332 с.
8. *Клейнман М.* Из недавнего прошлого, наш отъезд из России // Рассвет. Берлин, 1 июля 1923.
9. *Маяковский В. В.* Письмо писателя Владимира Владимировича Маяковского писателю Алексею Максимовичу Горькому // Новый Леф. М.: Госиздат, 1927. № 1. С. 2–6.
10. *Пэнэжко Н. Л., Чернухина В. Н., Марченков А. М.* Шехтель, Рябушинский, Горький (Дом на Малой Никитской). М.: Наследие, 2000. 144 с.
11. *Смирнова А. Д., Герасимова Е. М., Крюкова А. М.* В доме на Малой Никитской. М.: Московский рабочий, 1968. 144 с.
12. *Фролов В. А.* Первая частная мозаичная мастерская в России // Solo Mosaic: история, современность, технологии. М.: Essegì, 2010. С. 18–32.
13. *Чуковский К. И.* Дневник, 1901–1969: в 2 т. Т. 2: Дневник: 1930–1969. М.: Современный писатель, 1994. 560 с.
14. *Яникова М.* «Крыльями меня накроешь...». Биография Хаима Нахмана Бялика. Издательские решения, 2018. 65 с.
15. *Alon-Mozes T.* Rural Ethos and Urban Development: the Emergence of the First Hebrew Town in Modern Palestine: Research from the Field // Planning Perspectives 26. 2011. №. 2. P. 283–300.
16. *Alon-Mozes T.* The Garden of the Poet Bialik. Bialik Sreet, Spin, Spirit&Shape (Hebrew). Israel: Porat Publishing. P. 68–71.
17. *Avnery S.* Kama Bialik yesh? (Hebrew). Tel Aviv-Yafo: Yedioth Books, 2021. 528 p.
18. *Vykovtseva L. P.* “What a Preposterous Building!” The Gorky Memorial Museum // Museum International. 1990. Vol. 42. Issue 3. P. 150–153.

19. Feinsein S. *Sunshine, Blossoms and Blood: H. N. Bialik in His Time, a Literary Biography*. Lanham; Boulder; New York; Toronto; Oxford: University Press of America, 2005. 408 p.
20. Glicksberg H. *Bialik Yom-Yom* (Hebrew). Tel Aviv: Dvir, 1953. 172 p.
21. Goldman I. B. *Ze'ev Raban: A Hebrew Symbolist*. Jerusalem: Tel Aviv Museum of Art, in collaboration with Yad Yzhak Ben-Zvi Publ., 2001. 234 p.
22. Holtzman A. *Hayim Nahman Bialik: Poet of Hebrew*. London: Yale University Press, 2017. 272 p.
23. Kotlyar E. Boris Schatz and the Early "Bezalel": The Utopia of Art and the Art of Management // Цайтшрифт. Минск; Вильнюс, 2014. № 4. С. 161–177.

References:

- Agurskii M. Gorky and Jewish Writers. *Minuvshee. Istoricheskii al'manakh (Past. Historical Yearbook)*, 1990, no. 10, pp. 175–204. (in Russian)
- Alon-Mozes T. Rural Ethos and Urban Development: the Emergence of the First Hebrew Town in Modern Palestine: Research from the Field. *Planning Perspectives*, 2011, vol. 26, no. 2, pp. 283–300.
- Alon-Mozes T. The Garden of the Poet Bialik. *Bialik Sreet, Spin, Spirit&Shape*. Israel, Porat Publishing, pp. 68–71. (in Hebrew)
- Arias-Vikhil' M. A. *Romen Rollan i Maksim Gor'kii: istoriko-funktsiona'nye i obshchestvenno-politicheskie aspekty literaturnogo dialoga (po materialam arkhiva A. M. Gor'kogo (Romain Rolland and Maxim Gorky: Historical-Functional and Socio-Political Aspects of Literary Dialogue (Based on Materials from the Archive of A. M. Gorky)))*: Full Doctor of Philology Thesis. Moscow, 2020. 473 p. (in Russian)
- Avnery S. *Kama Bialik yesh?* Tel Aviv-Yafo, Yedioth Books Publ., 2021. 528 p. (in Hebrew)
- Bykovtseva L. P. "What a Preposterous Building!" The Gorky Memorial Museum. *Museum International*, 1990, vol. 42, issue 3, pp. 150–153.
- Chukovskii K. I. *Dnevnik, 1901–1969 (Diary, 1901–1969)*. In 2 vols. Vol. 2: 1930–1969. Moscow, Sovremennyyi pisatel' Publ., 1994. 560 p. (in Russian)
- Davydova I. I. Next to Gorky. *Russkaia literatura i zhurnalistika v dvizhenii vremeni (Russian Literature and Journalism in the Movement of Time)*. Moscow, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University Publ., 2015, pp. 235–256. (in Russian)
- Feinsein S. *Sunshine, Blossoms and Blood: H. N. Bialik in His Time, a Literary Biography*. Lanham, Boulder, New York, Toronto, Oxford, University Press of America Publ., 2005. 408 p.
- Frolov V. A. The First Private Mosaic Workshop in Russia. *Solo Mosaico: istoriia, sovremennost', tekhnologii (Solo Mosaico: History, Modernity, Technology)*. Moscow, Essegi Publ., 2010, pp. 18–32. (in Russian)
- Glicksberg H. *Bialik Yom-Yom*. Tel Aviv, Dvir Publ., 1953. 172 p. (in Hebrew)
- Goldman I. B. *Ze'ev Raban: A Hebrew Symbolist*. Jerusalem, Tel Aviv Museum of Art, in collaboration with Yad Yzhak Ben-Zvi Publ., 2001. 234 p.
- Holtzman A. *Hayim Nahman Bialik: Poet of Hebrew*. London, Yale University Press Publ., 2017. 272 p.
- Ianikova M. "Kryl'iami menia nakroesh'...". *Biografiia Khaima Nakhmana Bialika ("You will Cover Me with Wings ..."). Biography of Haim Nachman Bialik*. Izdatel'skie resheniia Publ., 2018. 65 p. (in Russian)
- Kirichenko E. I. *Arkhitekturnoe nasledie Fedora Shekhtelia v Moskve (Architectural Heritage of Fyodor Schechtel in Moscow)*. Moscow, Izdatel'skii dom Rudentsovykh Publ., 2009. 352 p. (in Russian)
- Kirichenko E. I. *F. O. Shekhtel'. Zhizn'. Obrazy. Idei (F. O. Schechtel. A Life. Images. Ideas)*. Moscow, Progress-Traditsiia Publ., 2011. 360 p. (in Russian)
- Kirichenko E. I.; Saigina L. V. *Romanticheskii zodchii moderna Fedor Shekhtel'*. Moscow, Iukos-Menatron Publ., 2000. 332 p.
- Kleinman M. From the Recent Past, Our Departure from Russia. *Rassvet (Dawn)*. Berlin, 1 July 1923. (in Russian)
- Kotlyar E. Boris Schatz and the Early Bezalel: The Utopia of Art and the Art of Management. *Tsaytshrift* 9, 2014, no. 4, pp. 161–177.
- Maiakovskii V. V. Pis'mo pisatel'ia Vladimira Vladimirovicha Maiakovskogo pisatel'iu Alekseiu Maksimovichu Gor'komu (Letter from the Writer Vladimir Vladimirovich Mayakovsky to the Writer Alexei Maksimovich Gorky). *Novyi Lef (New Lef)*, 1927, no. 1, pp. 2–6. (in Russian)
- Penezhko N. L.; Chernukhina V. N.; Marchenkov A. M. *Shekhtel', Riabushinskii, Gor'kii (Dom na Maloi Nikitskoi) (Schechtel, Ryabushinsky, and Gorky (House on Malaya Nikitskaya))*. Moscow, Nasledie Publ., 2000. 144 p. (in Russian)
- Smirnova A. D.; Gerasimova E. M.; Kriukova A. M. *V dome na Maloi Nikitskoi (In the House on Malaya Nikitskaya)*. Moscow, Moskovskii rabochii Publ., 1968. 144 p. (in Russian)
- Zuchovickaja L. «L'Altro come parte del Sé»: Gor'kij nella storia della cultura ebraica in Russia, *Maksim Gor'kij: Ideologie Russe e realtà Italiana atti del convegno per il 150° anniversario della nascita di Maksim Gor'kij*, Rome, UniversItalia Publ., 2020, pp. 131–143. (in Italian)